PG
3460
.C64N6

НОВОБРАЧНЫЕ.

ПОВѢСТЬ ВЪ СТИХАХЪ.

Сочиненіе

П. ЧИЖОВА.

Ужасный человѣкъ, кто часто читаетъ; ужъ лучше печатать: тогда читай, кто хочешъ, и если не нравится читателямъ, знаешь по крайней мѣрѣ, что они *купили* право это сказать.

Лордъ Байронъ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургич. Академіи.

1832.

Class PG
Book C8

YUDIN COLLECTION

НОВОБРАЧНЫЕ.

ПОВѢСТЬ ВЪ СТИХАХЪ.

Сочиненіе

П. ЧИЖОВА.

Ужасный человѣкъ, кто часто читаетъ; ужъ лучше печатать: тогда читай, кто хочетъ, и если не нравится читателямъ, знаешь по крайней мѣрѣ, что они *купили* право это сказать.

Лордъ Байронъ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургич. Академіи.

1832.

PG3460
.C64N6

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Іюня 2 дня 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

I.

«Странно! — ровно тридцать лѣтъ
«Я ужъ прожилъ, а ни раза
«Отъ судьбы не зналъ отказа,
«И препонъ желаньямъ нѣтъ!
«Верхомъ счастья мнѣ казался
«Гордый воина вѣнецъ, —
«Рано въ полкъ меня отецъ
«Записалъ, и я помчался
«За Дунай, гдѣ въ ту пору
«*Громъ побѣды раздавался.*
«Ужъ въ воинственномъ жару
«Я большіе эполеты
«И Георгія надѣлъ,
«И мечталъ: мнѣ волны Леты
«Не достанутся въ удѣлъ...
«Но прошло желанье славы,
«Я ужъ службу разлюбилъ —
«И оставилъ путь кровавый,
«И скорѣй въ Москву спѣшилъ.

«Власть родительская страшно
«Мнѣ казалась тяжела,
«Я скучалъ, и повсечасно
«Мысль въ умѣ моемъ была:
«Не ужель Мафусаила
«Мой отецъ переживётъ? —
«Не прошелъ еще и годъ,
«А отца взяла могила....
«Я влюбился наконецъ
«И посватался, ну что-же?
«Съ милой дѣвою вѣнецъ
«Сочеталъ меня!... О Боже!
«Вотъ ужъ тутъ-то, думалъ я,
«Все погибло, все пропало,
«Нѣтъ спасенья! — и меня
«Ужъ раскаянье терзало.
«Но великъ и благъ Творецъ,
«Принялъ грѣшное моленье —
«И жену, мнѣ въ утѣшенье,
«Взялъ къ себѣ Онъ наконецъ....
«Признаюсь, теперь не знаю
«Самъ, чего и пожелать, —
«Я боюся, что опять,
«Получивши, разжелаю.
«Развѣ Лидинька займетъ?
«Чтожъ? — умна и такъ прелестна,
«Полной станъ, и взоръ небесной,
«И семнадцатый лишь годъ....
«Право, кажется безъ смѣха,
«Я влюбленъ? одна помѣха:
«Не хотѣлось бы въ другой
«Обходить ужь мнѣ налой....»

Такъ мечталъ, сидя въ каретѣ,
Валентинъ, ужъ на разсвѣтѣ
Возвращаясь по Тверской
Съ бала шумнаго домой.
Онъ мечталъ — и наслаждался
Обольщеніемъ мечты:
Образъ милой красоты
Въ полномъ блескѣ представлялся
Передъ нимъ; воображалъ
Живо онъ улыбку, взоры,
Лиды поступь, разговоры,
Какъ онъ съ нею танцовалъ.

И красавицей въ столицѣ
Лида даромъ не слыла;
Въ край далекой о дѣвицѣ
Разносилася молва;
Говорили: «Лиды очи
«Такъ блестятъ, какъ звѣзды ночи;
«Лида сердцемъ такъ чиста,
«Какъ отшельника мечта,
«Какъ Темпейская долина,
«Какъ Рафаэля картина —
«Совершенство красоты;
«И полна очарованья,
«Какъ съ любезною свиданья
«Подъ покровомъ темноты.»

Въ Лидѣ все обворожало —
Прелесть взоровъ и рѣчей,
И сердца младыя къ ней
Все невольно привлекало;

Вкругъ нее, какъ рой шмелей,
Обожатели вздыхали,
И кипѣли и жужжали.
Изъ числа ихъ былъ одинъ
Всѣхъ замѣтнѣй, всѣхъ виднѣе,
И не диво — Валентинъ
Былъ всѣхъ лучше и умнѣе.
Какъ онъ Лидѣ угождалъ!
Какъ заманивалъ искусно! —
Но въ отвѣтъ лишь получалъ
Взоръ холодный, равнодушный;
Лида рѣзво — весела
Рѣчи пламенной внимала,
Но ее не понимала —
И по прежнему была:
Лѣтомъ садъ, зимой катанья,
Маскарады и собранья
Лишь плѣняли сердце въ ней
Шумной живостью своей,
И кружила беззаботно
Въ вихрѣ вальса юны дни,
И струилися они
И безпечно и свободно.

Но чредой пора пришла
Для нее любви, мечтаній,
И невѣдомыхъ желаній
Рой крылатый навела.
Сердце билось, сердце ныло;
Было грустно ей одной;
Часто томной и унылой
Не спалось во тмѣ ночной;

Что - то кровь въ ней волновало;
Все чего-то сердце ждало;
И порой она во снѣ
Зрѣла новыя видѣнья,
И вкушала наслажденья
Въ новой, чудной сторонѣ:
Статный юноша, прекрасный
Лиду жалъ къ груди своей —
И въ томленьи нѣги страстной
Распалялось сердце въ ней;
И горячими устами
Устъ прекрасной онъ искалъ,
И дрожащими руками —
Лиды сонъ перерывалъ...
Эти новыя видѣнья,
Небылыя наслажденья,
Изчезая въ мглѣ ночей,
Непонятны были ей;
Что-то дѣву тяготило,
Будто тяжкая гора;
Сердце билось, сердце ныло,
Не спалось ей до утра.

Наблюдатели природы
Человѣка говорятъ,
Что его младые годы
Для любови сущій кладъ;
Хоть и есть тому примѣры, —
Не дадимъ имъ полной вѣры:
Златокрылый мотылёкъ,
То съ цвѣтка, то на цвѣтокъ
Мчится рѣзво, мчится скоро,

Беззаботно, безъ разбора;
Нѣтъ, его краса долинъ
Не прельститъ цвѣтокъ одинъ:
Вотъ садится на лилею,
Вотъ на розѣ, вотъ и съ нею
Онъ простился. Такъ любовь
Первыхъ юности годовъ.

Но не то, когда ужъ страсти
Поиграютъ, побурлятъ,
Какъ на нихъ уже лежатъ
Удила разумной власти:
Въ это время нѣтъ огня,
Нѣтъ ужъ юности волненья,
И восторговъ и забвенья;
Но какъ въ вѣкъ свѣтило дня
Пламень свой не истощаетъ,
Такъ огнемъ пролившись въ кровь
Въ годы зрѣлые любовь
Никогда не угасаетъ.
Такъ о страсти я сужу,
Вотъ мои, читатель, мнѣнья;
Но для Лиды исключенья
У тебя я самъ прошу.

Жилъ открыто и богато
Лиды отчимъ на Тверской;
Какъ водилось, торовато
Проживалъ доходъ двойной;
Онъ любилъ повеселиться,

За балами балъ давалъ,
И пріѣзжихъ зазывалъ
Хлѣбомъ—солью подѣлиться.
Въ ихъ числѣ Эрастъ младой
Привлекалъ вниманье дѣвы,
Какъ въ странѣ чужой напѣвы
Стороны своей родной.
О политикѣ преважно
Съ старикомъ онъ разсуждалъ,
Взоръ-же пылкой, взоръ-же страстной
Къ томной Лидѣ обращалъ.
Съ чувствомъ, съ нѣжностью какою
Говорилъ онъ часто съ ней,
Такъ вечернею порою
Льется въ рощѣ соловей.
Онъ предъ ней краснорѣчиво
Выражалъ свои мечты,
Страсти пламенной порывы,
Силу юной красоты.
И любилъ съ какой онъ силой!
Какъ онъ Лиду обожалъ!
Какъ очами въ очи милой
Страсть свою переливалъ!
А она? — Въ ней пламя страсти
Вдругъ пожаромъ разлилось;
Сердце Лиды предалось
Съ упоеньемъ новой власти.

Годъ промчался, — ихъ сердца
Узы брака сочетали;
Въ храмѣ общаго Отца
Молодые клятву дали:

Жизнь любовью пережить,
И мечтой не измѣнить.

Было все обыкновенно
Въ этомъ бракѣ; но одно
Всѣмъ казалось мудрено:
Прежде въ Лиду такъ влюбленный,
Такъ ревниво огорченный,
Вдругъ съ Эрастомъ Валентинъ
Дружбу свелъ, (въ тѣни долинъ
Вкругъ развѣсистой берёзы
Обвиваются такъ лозы).
Онъ Эрасту помогалъ
Въ каждомъ случаѣ усердно,
Жизни свѣтлой и безбѣдной
Отъ души ему желалъ,
Подъ вѣнецъ младаго друга
Такъ какъ брата провожалъ,
И съ восторгомъ обнималъ
Упоеннаго супруга.
Думать надобно, что страсть
Въ немъ въ то время ужь остыла;
Что ее разсудка власть
Въ самомъ корнѣ истребила;
Что съ Эрастомъ сохранить —
Бывъ сосѣдомъ — дружбу вѣчно
Онъ хотѣлъ, и огорчить
Избѣгалъ его сердечно. —
Можетъ быть и то, что онъ,
Ужь любовью новой полнъ,
Больше Лидой не плѣнялся.

Съ ней теперь онъ обращался
Равнодушно; иногда,
Вспомнивъ прежніе года,
Память страсти изступленной
Онъ искусно отстранялъ:
Это былъ осуществленный
Дружбы чистой идеалъ.
Впрочемъ разныхъ подозрѣній,
Пересудовъ, осужденій
Валентинъ не избѣжалъ.

Что нашъ взоръ не замѣчаетъ,
Видитъ женщинъ взоръ легко,
Видитъ быстро, далеко;
Женской умъ во все вникаетъ! —
Онъ замѣтилъ, что когда
Новобрачная чета
Послѣ свадебной трапезы
Скрылась тихо, какъ сновъ грезы, —
Отвернувшись, Валентинъ
Близъ окна стоялъ одинъ
Съ опущенной головою,
Хмурилъ бровь, уста кусалъ,
Сильной волосы рукою
То крутилъ, то расправлялъ.

III.

Изъ столицы шуумной, праздной,
Отъ причудливыхъ затѣй
Скуки въ ней однообразной,
Отъ безсмысленныхъ судей,
Отъ приличій устарѣлыхъ,
Мнѣній глупыхъ и смѣшныхъ,
Предразсудковъ закоснѣлыхъ,
Правилъ странныхъ и пустыхъ,
Отъ похвалъ всегда двуличныхъ,
Пересудовъ неприличныхъ,
Сплѣтней лживыхъ, сплѣтней злыхъ, —
Новобрачные спѣшили
Отдохнуть среди полей;
Тамъ одной любви своей
Дни младые посвятили.

Въ устраненіи, въ тиши
Голосъ чувствъ еще слышнѣе,
И живѣе и сильнѣе
Ощущенія души;

Такъ не въ клѣткѣ голосистый
Соловей поетъ звучнѣй,
Такъ на родинѣ душистый
Цвѣтъ еще, еще нѣжнѣй.

Новобрачные бродили
По узорчатымъ лугамъ
И по рощамъ; здѣсь и тамъ
Виды пышны находили.
То вечерняя заря,
Алымъ пламенемъ горя,
Ихъ прельщала; то струистый,
Подъ наклонами вѣтвей
Тихо плещущій ручей;
То ликъ мѣсяца сребристый,
Отразившійся въ водѣ;
То гулъ мѣльницъ на прудѣ,
Ихъ жемчужные каскады;
Иногда-жъ въ часы прохлады,
Слившись съ говоромъ ручья,
Въ рощѣ пѣнье соловья.

Солнце въ небѣ улыбалось,
Устремивъ на нихъ свой взглядъ:
Ничего — такъ говорятъ —
Имъ желать не оставалось;
Каждый день для нихъ свѣтилъ
Новымъ, радостнымъ блистаньемъ,
Вмѣстѣ съ утреннимъ сіяньемъ
Онъ блаженствомъ ихъ дарилъ;
Ночи-ль тѣнь съ небесъ сходила —
И для нихъ она толпой

Наслажденья за собой
Къ ложу брачному сводила.

Но и въ солнцѣ есть мѣста,
Гдѣ примѣтна темнота.
Новобрачные порою
Обходились не безъ ссоръ:
Солнце встанетъ надъ горою –
И Эрастъ на конный дворъ
Уходилъ, тамъ на строенье,
На гумно, по мастерскимъ,
По работамъ тѣмъ, другимъ, –
Всюду надобно смотрѣнье!
Но для Лиды это все
Страхъ не нравилось, ее
Это даже огорчало.
« Нѣтъ! въ Москвѣ – держу пари –
Лида думаетъ бывало,
Онъ меня-бы до зари
Не оставилъ . . . Я-бъ умѣла,
Еслибъ только захотѣла –
И Эрастъ при мнѣ весь день
Неотлученъ былъ, какъ тѣнь.»

Впрочемъ ссоры новобрачныхъ
Были рѣдки и легки,
Были очень коротки;
Послѣ нихъ, какъ послѣ мрачныхъ
Проносимыхъ быстро тучь,
Съ новымъ блескомъ счастья лучь
Разливалъ очарованье,
Какъ волшебное сіянье.

Иногда они въ тѣни
Позднимъ вечеромъ сидѣли
На балконѣ, и смотрѣли
На небесные огни;
И звѣзда съ небесъ порою
Покатившися, стрѣлою
Мчалась въ бездну пустоты,
Какъ о вѣчности мечты.

Эрастъ.

Можетъ быть, съ родной звѣздою
Живъ несчетные года,
Та упавшая звѣзда
Вдругъ плѣнилася другою
И теперь скатилась къ ней.
Если-жъ звѣзды не надежны
И невѣрны....

Лида.

Мыслью сей
И унылой и мятежной
Не смущай себя, Эрастъ:
Никакая въ мірѣ власть
Не измѣнитъ сердца Лиды;
Пуще всякой мнѣ обиды
Недовѣрчивость твоя.
Вѣрь ты мнѣ, какъ вѣрю я —
Безъ сомнѣній, безъ боязни —
Провидѣнію, судьбѣ,
Вѣчной жизни, вѣчной казни,
И Пророкамъ и тебѣ....

Я восточное преданье
Помню, другъ: Уста весны —
Роза крылася въ тѣни,
Но ея благоуханье
Вѣтръ въ дуброву приносилъ,
Гдѣ пѣвецъ крылатый жилъ;
Онъ летѣлъ увидѣть розу,
Онъ увидѣлъ, — полюбилъ
И запѣлъ; вздохнула роза.
Съ той поры пѣснь соловья,
Розы запахъ благовонный,
Вмѣстѣ носитъ вѣтръ нескромный
На лугахъ и близь ручья.
Лишъ въ зеленые покровы
Облечетъ весна дубровы —
Соловей близъ розы вновь,
И поэтъ свою любовь;
Роза юная алѣетъ,
Обновленная весной,
Роза дышетъ, роза вѣетъ
Лишъ любовію одной.

Такъ и мы, мой другъ сердечной,
Другъ единой, будемъ вѣчно
Страстью нѣжною дышать. . . .
Какъ мнѣ сладко уповать,
Что пока живетъ — другъ милой
Вѣренъ мнѣ!

Эрастъ.

И за могилой
Я тобой лишъ буду жить;
Безъ тебя и въ раѣ быть

Мнѣ не радость, Ангелъ милой! . .
Нераздѣльно буду я
Съединенъ на вѣкъ судьбою,
Сердцемъ въ сердце жить съ тобою,
Какъ два слившихся ручья:
Дружно общими струями
Мчатся радостно они,
Вмѣстѣ лунными лучами
Въ часъ ночной озарены,
Вмѣстѣ плещутъ, опѣняютъ
Зеленѣющійся брегъ,
И съ веселіемъ свершаютъ
Гармонической свой бѣгъ. . . .

Слушай, Лида! — Если-бъ боги
Мнѣ судили жребій строгій,
Если-бъ ты когда нибудь. . . . .
Милый другъ мой, не забудь:—
Легче смертныя мученья
Всѣхъ родовъ мнѣ испытать,
Легче гробъ твой провожать,
Чѣмъ увидѣть тѣ мгновенья. . .

Такъ Эрастъ въ жару страстей
Глубину души своей,
И чувствительно и съ силой
Открывалъ супругѣ милой;
И лобзаніемъ живымъ
Лида рѣчь перебивала,
И объятьемъ передъ нимъ
Тѣнь печали заслоняла.

И для нихъ летѣли дни
Непримѣтно, быстротечно,
И утѣхою сердечной
И восторгами полны.

Если счастіе лелѣитъ
Въ колыбели насъ своей;
Если сердце обогрѣетъ
Теплотой своихъ лучей:
О! тогда безъ остановки
Быстро богъ сѣдой летитъ,
Часто намъ тогда обновки
Въ новы годы онъ даритъ;
Только взглянемъ, улыбнемся —
И ужь года нѣтъ, какъ нѣтъ!
Лишь задремлемъ — глядь, ужь лѣтъ
Многихъ, многихъ недочтемся!...
Но кого тягчитъ, гнететъ
Перстъ судьбины разъяренной,
Кто страданьемъ изтомленной
Часъ рожденія клянетъ:
Для того день каждый годомъ,
Годъ-же вѣчностью идетъ,
Погребальнымъ, длиннымъ ходомъ
До кладбищенскихъ воротъ.
Ктожъ свободенъ отъ постоя
Сильныхъ, пламенныхъ страстей,
И доволенъ жизнью сей,
Зная только дни покоя:
Отъ того совсѣмъ отсталъ,
Много бившись, богъ капризный:
Онъ услышать укоризны

Отъ него напрасно ждалъ,
И оставилъ дней теченье
На его произволенье.

Но, читатель, къ молодымъ
Мы вниманье обратимъ.

III.

Августъ праздникъ свой урочный
Ужь совсѣмъ отпировалъ,
Ужь цвѣтную скатерть снялъ
Онъ съ полей, и полуночный
Заунывно вѣтеръ вылъ;
Дождикъ мѣлкой непрестанно,
Какъ сквозь сито моросилъ,
Небо было днемъ туманно —
Будто все не разсвѣло,
Дымъ ложился на село.

На кого не нагоняли
Дни осенніе печали?
Слякоть, сырость! . . . ну, ей ей!
Скучно жить порою сей
И въ столицѣ нашей древней,
Гдѣ съ пріятностью убить
Можно время; а въ деревнѣ,
Богъ избави въ осень быть.

Это даже испытали
Молодые, хоть они
Провожали рѣдко дни
Безъ гостей. Ихъ навѣщали
Часто добрые друзья
(Жить безъ нихъ нигдѣ не льзя!)
А къ тому-жъ еще вседневно
Валентинъ у нихъ бывалъ;
Онъ въ Москвѣ — какъ откровенно
Самъ Эрасту расказалъ —
Много денегъ промоталъ;
А извѣстно, чтобъ поправить
Обстоятельства, такъ свѣтъ
Непремѣнно, радъ иль нѣтъ,
Должно на годъ хоть оставить
И въ деревнѣ побывать,
Смирно жить, доходъ собрать, —
И опять . . . Уже давно
Такъ въ Москвѣ заведено.

Валентинъ какъ свой, какъ другъ
Принятъ былъ всегда Эрастомъ;
Засидясь часовъ до двухъ,
У него онъ очень часто
Оставался ночевать.
Иногда en deux играть
Сядутъ въ вистъ они бывало,
Иногда ихъ занимало
Чтенье важное газетъ, —
Для ума какой предметъ! —
«На Цейлонѣ возмущенье!
«(Впрочемъ, это подъ сомнѣньемъ)

«Тамъ-то снѣгъ, а тамъ-то пѣшъ!
«Тамъ пожаръ! тамъ Принцъ такой-то
«Лошадей смѣнилъ — и въ ночь
«Въ путь дальнѣйшій! А у той-то
«Родилась счастливо дочь! . . .»
Иногда *Свѣтлану* съ чувствомъ
Валентинъ друзьямъ читалъ,
И съ особеннымъ искуствомъ
Лиду плакать заставлялъ;
Иногда же въ вальсѣ съ нею
Подъ ройяль какъ вихрь кружилъ;
Но веселостью своею
Онъ всего любезнѣй былъ:
Какъ умно и какъ забавно
Все умѣлъ онъ разсказать!
Какъ могъ шуткою нежданной
Всѣхъ заставить хохотать!

Какъ заемными цвѣтами
Бриллiантъ блеститъ, горитъ,
Что разъ — новыми огнями
Взоръ прельщаетъ и слѣпитъ:
Такъ, казалось, чувства, мнѣнья
Валентинъ перемѣнялъ;
Съ кѣмъ онъ былъ, того сужденья,
Образъ мыслей принималъ.
Но когда-бъ подъ ту личину
Прямо въ сердце Валентину
Наблюдатель бросилъ взглядъ,
Въ немъ открылъ бы твердость, хладъ,
И характеръ самобытный:
Неизмѣнный, сильный, скрытный.

Но открыть не всякой могъ
Эти свойства въ Валентинѣ:
Трудно странствовать въ пустынѣ
Безъ примѣты, безъ дорогъ.
Впрочемъ вѣрное сужденье,
Здравый умъ, предусмотрѣнье
Въ немъ всегда Эрастъ встрѣчалъ;
Съ нимъ рядилъ и толковалъ
Онъ о дѣлѣ по имѣнью, —
И по дружескому мнѣнью
Перенесъ его въ Сенатъ.
Но дѣла шли не отлично:
Такъ и этакъ... только лично
Могъ поправить ихъ Эрастъ.

Послѣ многихъ, долгихъ преній,
Гдѣ вполнѣ свой умъ и геній
Показалъ нашъ Валентинъ,
Рѣшено: Эрастъ одинъ
Долженъ былъ въ Москву пуститься,
Все устроить, все съютить,
Просьбъ и денегъ не щадить, —
И скорѣе возвратиться.

Кто съ любезною изъ васъ
Разставался въ первый разъ,
Хоть до близкаго свиданья,
Хоть на мѣсяцъ — знаетъ тотъ,
Какъ минута разставанья
Тажела всегда. Но вотъ
Ужь Эрастъ съ женой разстался,

Въ сани сѣлъ, и вотъ помчался
Рысью полной изъ ворошъ.

«Лида! Лида! помни друга,
«Помни друга своего!...
Говорилъ Эрастъ, а вьюга
Бушевала вкругъ него;
Кони быстрые летѣли;
Но ни вѣтра, ни мятели
Онъ совсѣмъ не замѣчалъ;
Сбросилъ шубу, галстухъ снялъ —
И все жарко, душно было!
Грудь стѣсненную его
Будто пламенемъ облило.

Есть минуты, — отъ чего
Такъ унылы, такъ страдаемъ,
Сами мы не понимаемъ;
Хоть бѣда не велика —
Бодрость сердце оставляетъ,
И невидное пугаетъ
Что-то насъ издалека.
Такъ Эрастъ, — хоть разставался
Не на долго съ Лидой онъ,
Но какимъ-то страхомъ полнъ,
Мыслямъ мрачнымъ предавался.

А Эрастова жена? —
Утопивши въ поле очи,
Горько плакала она
Подъ окномъ до поздней ночи.
Тихо встала наконецъ,

Папильёнки завертѣла,
Предъ трюмо ночной чепецъ
Грустно, медленно надѣла;
Начала капотъ снимать,
Посмотрѣла на кровать —
И вздохнула, и служанкѣ
Приказала на лежанкѣ
Въ спальной лечь. Чрезъ часъ потомъ
Успокоилася сномъ.

IV.

Какъ Эрастъ въ столицѣ жилъ,
Какъ онъ время проводилъ,
Какъ съ него за *дѣло* брали,
Какъ *все* сдѣлать обѣщали —
И тянули день за днёмъ,
Чтобы взять еще потомъ:
Это все обыкновенно,
Всѣмъ извѣстно совершенно.

Встарину (такъ я слыхалъ)
Былъ обычай безподобный:
Бралъ Судья — и благородный,
Слову онъ не измѣнялъ,
Хоть подъ судъ самъ попадалъ;
Но за то онъ бралъ ужь смѣло,
Бралъ безъ дѣла и за дѣло,
То-то время, господа!
А теперь совсѣмъ бѣда:
Стали честью заниматься,
Совѣсть втерлася вездѣ,
И страхъ Божій появляться
Началъ даже и въ судѣ.

Нашъ Эрастъ въ Москвѣ ужасно
Какъ скучалъ и тосковалъ;
Онъ Судей своихъ напрасно
Дѣло кончить умолялъ.
Ужь терпѣнье все теряя,
Онъ сто разъ хотѣлъ бѣжать;
Но недѣли двѣ пождать,
Такъ ужъ долго ожидая,
Можно было — и опять
Онъ конца рѣшался ждать.
Между тѣмъ шли дни за днями,
И весна уже пришла
И душистыми цвѣтами
Садъ Кремлевской убрала;
И по немъ Эрастъ угрюмой
(Завсегда съ одною думой)
Часто хаживалъ; его
Не живило ничего:
Ни красавицы столицы
Въ ихъ нарядахъ дорогихъ,
Ни кокетокъ пожилыхъ
Разрисованныя лицы, -
Въ немъ душа была больна
И тоской отравлена.
Лишь имѣлъ онъ въ утѣшенье,
Что отъ Лиды въ Воскресенье
Получалъ письмо всегда.
Онъ — случалось иногда —
Десять разъ его читаетъ,
Лишь окончитъ — и опять
Съ новой жадностью читать
И съ восторгомъ начинаетъ.

Изъ сихъ писемъ лишь одно
Сохранилось. Вотъ оно:

«Милый другъ мой! ради Бога
«Возвращайся поскорѣй,—
«Ужасъ грустно!... ужь теплѣй
«Стало много, и дорога
«Вовсе портится у насъ...
«Я вчера была у Льновыхъ,
«Тамъ нашла Парсиныхъ, Гриновыхъ;
«Какъ то сладился и вальсъ,
«Но, умора! — Барабанинъ
«Льновой ноги оттопталъ,
«А съ Анюшою Горланинъ
«Съ форсу вдругъ подъ столъ попалъ!
«Говорятъ, что Саша Льнова
«Съ Князь Ильей сговорена.
«Я все какъ-то нездорова.
«Милый другъ! купи вина —
«Все ужь вышло; да муслину
«Для шитья аршиновъ пять;
«Тонкихъ нитокъ на полтину —
«Здѣсь такихъ не могутъ прясть.
«Былъ разнощикъ; — прелесть ситчикъ
«Привозилъ, но безъ тебя
«Онъ не нуженъ для меня.
«Былъ вчера у насъ Повытчикъ:
«Объявилъ еще наборъ!
«Появилась и комета, —
«Говорятъ, что этимъ лѣтомъ
«Не война, такъ вѣрно моръ.
«На гумнѣ обмолотили

«Ржи десятый скирдъ; овесъ
«Въ Ливны староста повезъ;
«Пустаревы говорили,
«Будто четверть три рубля, —
«То-то бъ славно!... Другъ мой! я
«Жду тебя нетерпѣливо,
«Скучно, грустно — особливо
«Какъ за днемъ приходишъ ночь..
«Таньку, мѣльникову дочь,
«Парамошка, внукъ Гаврилы,
«Проситъ очень за себя;
«Я сказала, чтобъ тебя
«Подождалъ... Прощай, другъ милый!
«Пріѣзжай скорѣй, а я
«Остаюсь на вѣкъ твоя
«Здѣсь, всегда и за могилой...«

Письма Лиды для Эраста
Были все: онъ ихъ читалъ —
Снова сердцемъ оживалъ,
И въ восторгѣ пылкой страсти
Цѣлый міръ позабывалъ.
Но случалось (по разлукѣ
Два — три мѣсяца спустя)
Надъ письмомъ въ ревнивой скукѣ
Онъ крушился какъ дитя,
И слезой тоски невольно
Орошалъ свое лицо:
Коротко и такъ холодно
Было Лиды писмецо.
Но любовь всегда вступалась
Въ сердцѣ мужа за жену,

И всегда ея вину
На Эраста-жъ обращала:
Для чего онъ къ ней писалъ:
«*Дѣло* близко къ окончанью?»
Слишкомъ ранній день свиданью
Для чего онъ назначалъ?...

Самъ Эрастъ—любовникъ страстный,
Мужъ надежный, идеалъ
Постоянства—онъ ужасно
Какъ затѣйливо писалъ!
Онъ писалъ: «Одно лишь ходитъ
«Солнце въ небѣ голубомъ,
«Свѣтъ и жизнь лишь только въ нёмъ
«Міръ и въ мірѣ все находитъ:
«Такъ прекрасная одна
«Лида счастьемъ мнѣ сіяетъ,
«Ей живу я, лишь она
«Міръ мнѣ радостнымъ являетъ...
«Лида! Лида! ты одна
«Для меня во всей вселенной!
«Часто я въ видѣньяхъ сна
«Вижу, другъ мой несравненной,
«Какъ въ одеждѣ голубой,
«Взоромъ въ душу проникая,
«Ты какъ свѣтлый вѣстникъ рая
«Мнѣ явилась—и съ собой
«Принесла все наслажденье
«Незнакомое дотоль,
«Жизнь восторговъ, упоенье,
«Усладительную боль;
«Этотъ даръ твой, даръ небесный,

«Въ глубинѣ души моей,
«Другъ безцѣнный, другъ прелестный,
«Сохраню до позднихъ дней.

«Безъ тебя какъ равнодушно
«Шелъ я жизненнымъ путемъ!
«Слѣпо случаю послушный,
«Я не думалъ ни о чемъ.
«Мало вѣтренная младость
«Волновала кровь во мнѣ,
«Мало горе, мало радость
«Мной владѣли въ тишинѣ;
«И въ душѣ оледенѣлой
«Будто не было страстей;
«Я какъ старецъ посѣдѣлой
«Былъ въ кругу моихъ друзей:
«Рѣдко радости улыбка
«Появлялась на устахъ,
«Невзначай — какъ-бы ошибкой
«Огнь блисталъ въ моихъ очахъ,
«И блисталъ не согрѣвая,
«И мгновенно потухая;
«Такъ зарница изъ-за тучь
«Промелкнетъ—и изчезаетъ;
«Такъ блестя, не согрѣваетъ
«Въ день морозный солнца лучь.
«Но, мой другъ, какъ вѣстникъ рая
«Ты въ одеждѣ голубой
«Мнѣ предстала—и другая
«Жизнь открылась предо мной.»

V.

О читатель! — благъ Творецъ,
Благъ безъ мѣры! — скажемъ смѣло:
И Эрастово хоть дѣло
Долго спѣло, спѣло, спѣло—
Но поспѣло наконецъ! —
Ужь Сенатское рѣшенье
Наконецъ въ рукахъ его:
Онъ въ награду за терпѣнье
Не лишился своего.
Ужь слуга его усердный—
Старичекъ, какъ лунь сѣдой,
Но здоровый, не согбенный
Шесть десятою зимой—
Суетится съ чемоданомъ:
То уложитъ, то опять
Начинаетъ разбирать.
Между тѣмъ за самоваромъ
На софѣ Эрастъ сидитъ;
Но Эрасту не до чая:—
Ничего не замѣчая,

Онъ ужъ мысленно летитъ,
Ожиданьемъ упоенной,
Къ Лидѣ милой, несравненной,
И услужница мечта
Всѣ знакомыя мѣста
Съ нимъ поспѣшно пробѣгаетъ;
Много рѣкъ и городовъ,
Много пажитей, лѣсовъ
На пути его мелькаетъ;
Онъ боится отдохнуть,
Какъ страшася злой погони, —
Но измученные кони
Тише, тише все бѣгутъ....
Наконецъ въ дали туманной,
На краю родныхъ небесъ,
Передъ нимъ дремучій лѣсъ
Зачернѣлъ, и постоянно
Все виднѣе и виднѣй.
О, въ какомъ Эрастъ волненьи!
Онъ въ восторгѣ, въ упоеньи
Закричалъ: « пошелъ! скорѣй!»

— Да куда, Эрастъ Иванычь,
Мнѣ идти? — слуга спросилъ,
И глаза отъ чемодана
На Эраста обратилъ.

Эрастъ.

Ахъ, Терентій, я забылся:
Въ сладкихъ грезахъ я домой

Лишь чуть-чуть не возвратился, —
Помѣшалъ ты...

Слуга.

И со мной

Было тоже-съ. Слава Богу! —
Мы теперь, судырь, въ дорогу
Можемъ смѣло, помолясь.

Эрастъ.

Хочешь завтра?

Слуга.

Хоть сей часъ-съ.

Эрастъ.

Что, Терентій! разогрѣлась
И твоя на старость кровь!
Видно сталъ ты молодъ вновь;
Ну, скажи: вѣдь захотѣлось
Очень, очень ужъ къ женѣ?

Слуга.

И! судырь, куда ужъ мнѣ, —
Тѣхъ годовъ нѣтъ и въ поминѣ;
А бывало молоткомъ

Сердце бьетъ, какъ женихомъ
Я ходилъ къ моей Аринѣ.

Эрастъ.

Вотъ къ чему насъ жизнь ведетъ!
Вотъ-же участь человѣка! —
Жизнью полной онъ живетъ
Много—много четверть вѣка! . . .
Слушай: ѣхать я хочу
Послѣ завтра, въ Воскресенье, —
Можетъ быть, увѣдомленье
Я отъ Лиды получу....
Уложи-жъ ты осторожно
Всѣ покупки; да смотри; —
Завтра встать мнѣ будетъ должно
Непремѣнно до зари....

VI.

Воскресенье наступило.
Лишь главы святыхъ церквей
Блескомъ солнечныхъ лучей
Пышно такъ озолотило,—
И во всей Москвѣ народъ
Отъ покоя пробудился,
Здѣсь и тамъ зашевелился—
И пошелъ взадъ и впередъ,
Какъ морской водоворотъ.
Скрыпъ тѣлегъ и коней ржанье,
Стукъ колясокъ, кучеровъ
И торговокъ восклицанье,
Страшный гулъ колоколовъ,—
Все смѣшалось, все слилося
И далеко разнеслося

Если-бъ тотъ въ Москву въѣзжалъ
По утру въ день Воскресенья,
Кто отъ самаго рожденья
Въ ней ни разу не бывалъ:

Онъ бы вѣрно полагалъ,
Что пожаръ, иль наводненье,
Иль еще какое зло,
Въ столь ужасное движенье
Всю Москву вдругъ привело.

Ужъ Эрастъ, совсѣмъ одѣтый,
Собирался со двора,
Чтобъ прощальные билеты
Развести. « Еще вчера,
Говорилъ онъ самъ съ собою,
« Всю Москву я обскакалъ,
« И съ больною головою
« Лишь чуть-чуть домой попалъ;
« А теперь опять!... О Боже,
« Какъ несносно—только встать
« И съ визитами скакать...»
Вдругъ слуга вошелъ. « ну что-же,
« Все купилъ? „ Эрастъ сказалъ.
— Все, сударь, — тотъ отвѣчалъ,
— Да съ Ильинки я ужъ кстати
И на Почту заходилъ,
И письмо къ вамъ получилъ. —

Не сломивъ еще печати,
На письмо Эрастъ взглянулъ,
Призадумался, вздохнулъ,
И сказалъ: « Нѣтъ, не отъ Лиды...
Вѣрно думается ей,
Что оконченъ судъ Ѳемиды,
Что пріѣду скоро къ ней.»

Но раскрывъ письмо, мѣстами
Лишь его Эрастъ глазами
Пробѣжалъ, — и будто ночь
Почернѣлъ въ мгновенье ока,
И письмо отбросилъ прочь
Съ содроганіемъ далеко.
Губы страшно у него
Затряслись и побѣлѣли;
Взоры вспыхнувъ, помертвѣли;
Только въ немъ изо всего
Признакъ жизни сохраняло:
Сердце громко въ грудь его
И насильственно стучало.
Вслѣдъ за тѣмъ онъ задрожалъ,
Губы дико искривились,
Руки, ноги опустились,
И на кресла онъ упалъ,
Будто громомъ пораженный.

Между тѣмъ слуга смущенный
И разтерянный не зналъ,
Что начать; онъ суетился,
Горько охалъ и молился,
И съ Эраста все снималъ —
Галстухъ, фракъ, жилетъ—и тщетно:
Онъ едва—едва дышалъ,
Пульса не было примѣтно.

Но страданіе его
Снова къ жизни возвратило:
Жгучимъ пламенемъ палило
Грудь и сердце у него.

« Дай воды! дай, ради Бога!„
Онъ слугѣ проговорилъ,
И водою утишилъ
Жаръ убійственный немного.
Часъ потомъ, другой прошелъ—
И съ усиліемъ, съ волненьемъ,
Съ разстановкой, съ размышленьемъ
Вновь письмо Эрастъ прочелъ.
Но межъ тѣмъ какъ онъ читаетъ,
Морщитъ лобъ, глаза коситъ,
Ногти медленно кусаетъ,
То съ рѣшимостью глядитъ,
То задумается снова.
Я, читатель, поспѣшу
И скорѣй перепишу
Здѣсь письмо изъ слова въ слово.

« Эрастъ! во всемъ тебѣ открыться
« По дружбѣ нашей долженъ я.
« Зачѣмъ молчать? чего стыдиться? —
« Ты все-бъ узналъ и безъ меня
« Въ деревню Лиды возвращенный.
« И такъ, тѣмъ лучше, чѣмъ скорѣй....

« Хоть въ сказкахъ нянюшки своей
« Слыхалъ-ли ты, чтобы влюбленный,
« Препоны встрѣтивши себѣ,
« И слѣпо покорясь судьбѣ,
« Вдругъ разлюбилъ? чтобъ взоры милой
« Въ его мечтахъ, въ его крови,
« Огонь желанья и любви
« Не поджигали съ большей силой?
« Еще—ты слышалъ или нѣтъ,

« Скажи, чтобъ женщинѣ прекрасной ,
« Изрекшей вѣрности обѣтъ
« Съ душою вовсе несогласный ,
« На мысль измѣна не пришла ,
« И чтобъ забыть она могла,
« Кого столь пламенно любила ,
« Въ комъ счастье жизни заключила ? —
« Вотъ я и Лида...Хоть тебѣ
« Она, сокрывъ тоску и муку,
« Покорна отчиму, судьбѣ ,
« И отдала навѣчно руку :
« Но сердце, сердце мнѣ она
« Съ дней самыхъ юныхъ обручила.
« Въ моей душѣ , въ глазахъ одна ,
« Какъ счастье, Лида мнѣ свѣтила ;
« Лишь близь нее , лишь только въ ней
« Была мнѣ жизнь мила, прекрасна ;
« Какой, какой-бы жертвы ей
« Я не принесъ — любовникъ страстный !..
« Невинной хитрости моей
« Простишь-ли ты ? — Чтобъ видѣть Лиду,
« Чтобъ близь нее всечасно быть,
« Я скрылъ въ душѣ моей обиду ,
« Какой никто не можетъ скрыть :
« Притворно—хладный, равнодушный,
« Безъ содроганія взиралъ ,
« Какъ року грозному послушной
« Ты Лидѣ ласки расточалъ ,
« Какія ласки ! — Ахъ, въ то время
« Весь адъ кипѣлъ въ груди моей ,
« Я клялъ весь міръ , и жизни бремя
« Казалось мнѣ еще тягчѣй ;

« Ужъ въ мукахъ ревности палящей
« Я былъ готовъ на все, на все, —
« Но голосъ Лиды, взоръ ее,
« То кротко-нѣжный, то молящій,
« Смиряли бѣшенство мое.....
« Она-жъ—чтобъ легче, чтобъ вѣрнѣе
« Достигнуть счастья наконецъ,
« Высокій женщинъ образецъ,
« Она все искреннѣй, нѣжнѣе
« Къ тебѣ часъ отъ часу была —
« И только случая ждала
« Предаться мнѣ—и ужъ до гроба.
« Теперь, Эрастъ, теперь узнай:
« Забывши міръ, мы въ мірѣ оба
« Нашли потерянный нашъ рай....

« Не обвиняй насъ слишкомъ строго;
« Повѣрь ты мнѣ, Эрастъ: ей—ей,
« Набѣломъ свѣтѣ ты не много
« Найдешь такихъ, какъ мы, друзей:
« Тебя душой мы почитаемъ,
« Тебя не можемъ не любить,
« Подобно намъ счастливымъ быть
« Мы отъ души тебѣ желаемъ.
« А насъ зоветъ въ далекой путь
« Гостепріимная чужбина.
« Прощай, мой другъ! когда нибудь
« Ты оправдаешь Валентина. «

Всякой знаетъ, что не шутка
Вѣсть такую получить,
И хоть каплю сохранить
Въ головѣ своей разсудка.

Всякой знаетъ, каково
Было бѣдному супругу;
Другъ коварный для него
Сдѣлалъ страшную услугу
Тѣмъ письмомъ; и самый адъ
Ухитрился-бы на врядъ
На подобное мученье.
Но одно Эрастъ сомнѣнье
Мимовольное имѣлъ,
Даже вѣрить не хотѣлъ,
Чтобъ покорная злой доли,
Безъ желанья, противъ воли,
Лида вышла за него,
И чтобъ мужа своего
Не любила, хоть не много.
Но напротивъ очень строго
Онъ винилъ ее за то,
Что обѣтъ любви святой
Такъ нарушила постыдно;
И поступокъ сей обидной
Наказать Эрастъ хотѣлъ.
Онъ отмщеніемъ горѣлъ.
Мысли черныя сгущались
Въ головѣ его; они,
Какъ волшебные огни,
То вились, то развивались,
И мгновенно измѣнялись.

Онъ мечталъ: « Сыны земли,
Злое, жалкое созданье!
Вы другъ друга на страданье,
На печали обрекли. . .

Человѣкъ! подобныхъ злоба
По пятамъ твоимъ идетъ
Отъ рожденья и до гроба;
Но и здѣсь не престаетъ,
Въ ненасытной, алчной злости,
Грызть ужъ тлѣющія кости.
Грозный рокъ тебѣ послалъ
Бичь жестокой, бичь ужасной
Въ видѣ женщины прекрасной,
На твою погибель далъ
Онъ ей даръ очарованья;
Всѣ мечты твои, желанья
Къ ней на вѣкъ онъ приковалъ!»

Но другое размышленье
Въ грудь тѣснилося его;
Говорилъ онъ: «для чего
«Жизнь не краткое мгновенье? —
«Ахъ, тогда-бъ взглянулъ на свѣтъ
«Жизнью полной насладился —
«И безъ горя и безъ бѣдъ
«Въ лучшій міръ переселился!
«Для чего, коль жизнь меня
«Не манитъ и не прельщаетъ,
«Всемогущій запрещаетъ
«Перервать нить бытія? ...
«Нѣтъ! безумной мыслью сею
«Не хочу людей смѣшить:
«Умереть, чтобы злодѣю
«Ненаказанно и съ *нею*
«На просторѣ дать пожить! . . .»
И Эрастъ воспламененный

Жаждой мести, трепеталъ;
Съ нетерпѣньемъ онъ желалъ
Валентину и невѣрной
Въ грудь скорѣй вонзить кинжалъ.
Онъ ужъ видѣлъ ихъ мученья;
Видѣлъ раны, видѣлъ кровь,
Слышалъ хриплыя моленья,
Стоны смертные....но вновь
Мысль совсѣмъ другаго мщенья
Оскорбленную любовь
Заняла: «нѣтъ! нѣтъ, напрасно! —
«Я не буду, хоть ужасной,
«Смерти скорой ихъ искать;
«О! страшнѣй отмщу обиду, —
«Мнѣ извѣстенъ Валентинъ:
«Много, много годъ одинъ
«Будетъ онъ лелѣять Лиду;
«Имъ забыта, предана
«На всеобщее презрѣнье,
«Обрѣтетъ тогда она
«Безотрадное мученье;
«Будутъ страшно Лиду грызть
«Стыдъ и совѣсть и досада;
«Да! еще, еще за жизнь
«Испытаетъ муки ада,
«И сама въ себѣ найдетъ
«За измѣну наказанье,
«И преступную страданье
«Изтерзаетъ, изведетъ....
«А злодѣй? — ужель мечтаетъ
«Скрыться въ дальней сторонѣ? —
«Нѣтъ, мой гнѣвъ его достанетъ

«Въ безднѣ моря...Боже! мнѣ,
«Мнѣ простить мою обиду,
«Мой позоръ! Творцемъ клянусь —
«Местью страшной насыщусь!
«Накажу лишь только Лиду,
«И явлюся грозный я
«Передъ нимъ, какъ Ангелъ-мститель —
«И узнаетъ онъ меня,
«Женъ коварный обольститель!...»

Такъ Эрастъ врагу грозилъ,
Такъ обдумывалъ отмщенье,
И свой гнѣвъ, свое волненье
На бумагу онъ излилъ.

«Пишу къ тебѣ—въ послѣдній разъ...
«Но какъ назвать тебя, не знаю! —
«Союзъ сердецъ, святую связь
«Я съ отвращеньемъ разрываю.
«Тебя я видѣть не хочу,
«Не разтравлю сердечной раны, —
«И за измѣну, за обманы
«Однимъ презрѣньемъ заплачу....
«Все, что сбылось какъ сновидѣнье,
«Глубоко въ сердцѣ затаю;
«Твою измѣну, преступленье
«Проклятью неба предаю....
«О какъ, довѣрчивый, безпечный,
«Я клятвамъ вѣровалъ твоимъ!
«Я уповалъ—обѣтъ сердечный,
«Обѣтъ любви ненарушимъ.

« Тебѣ я сердцемъ предавался ,
« Въ тебѣ всѣ блага заключалъ ,
« И думой черной не смущался ,
« И въ вѣчность счастья уповалъ !
« Тебя любилъ я какъ отчизну ;
« Одной тобою только жилъ ;
« Какъ я дышалъ твоею жизнью !
« Какъ я въ тебѣ увѣренъ былъ ! . . .
« Но подъ личиной , столь прелестной ,
« Но подъ покровомъ чистоты
« И непорочности небесной
« И несравненной красоты ,
« Какую душу ты таила !
« Какъ ты себя умѣла скрыть !
« Какъ ты клялась меня любить , —
« И какъ коварно измѣнила !...
« Когда такъ нѣжно ты меня
« Въ своихъ объятіяхъ ласкала ,
« Что было въ мысляхъ у тебя ? —
« Ужъ ты измѣну замышляла ,
« Ее обдумывала ты ;
« Она росла и созрѣвала ,
« Какъ зрѣютъ вредные плоды . . . .
« Но знай : не долго благомъ будетъ
« Твоя преступная любовь ;
« Кто презрилъ дружбой , тотъ забудетъ
« Обѣты , честь и совѣсть вновь. . . .
« Онъ...Еслибъ не былъ я увѣренъ ,
« Что онъ обманчивъ , лицемѣренъ ,
« Что вѣтренъ онъ , что не любя ,
« Оставитъ скоро онъ тебя :
« Тогда бы другъ неблагодарный

« Меня узналъ, тогда-бы онъ
« Уснулъ на долгой, вѣчной сонъ
« Въ твоихъ объятіяхъ, коварный!...
« На зло тебѣ щажу его,
« До время жизнь ему дарую —
« И кромѣ горя ничего
« Твоей судьбѣ непредсказую.
« Забыта, презрѣнная вновь,
« Что принесетъ тебѣ любовь?
« И ждать чего отъ Валентина?
« Я вижу — жалкая картина! —
« Какому сраму предана
« Моя невѣрная жена!
« А я, гнушаясь преступленьемъ,
« Я ни слезой, ни сожалѣньемъ
« Тебя не вспомню; даже тамъ
« И за предѣломъ здѣшней жизни,
« Тебя я встрѣчу укоризной,
« Тебя презрѣнію предамъ! . . . »

Окончивъ строки роковыя,
Отчасти сильныя, живыя,
Излившись, такъ сказать, въ письмѣ, —
Эрастъ молчалъ, въ своемъ умѣ
Какъ-бы припомнить что старался;
Онъ взялъ чубукъ, продулъ, потомъ
Какъ будто странное на немъ
Разсматривалъ, не замѣчая;
Тамъ, табаку не зажигая,
Чубукъ къ губамъ онъ приложилъ
И дѣлалъ видъ, какъ-бы курилъ.

Терентій долгое молчанье
Прервать хотѣлъ, но какъ? — не зналъ;
Онъ видѣлъ барина страданье —
И громко, горестно вздыхалъ,
Невольны слезы отирая.
Но наконецъ съ софы вставая,
Эрастъ рѣшительно сказалъ:
«Возьми письмо. Ты съ нимъ какъ можно
«Въ деревню Лиды поспѣшай,
«И ей письмо мое отдай;
«Тебѣ застать ее тамъ должно.»

Слуга, который все ужъ зналъ,
Ему съ слезами отвѣчалъ:
— Эрастъ Иванычь! вамъ въ деревню
Самимъ-бы, право, поспѣшить:
Быть можетъ, Лиду Тимофевну
Успѣете вы захватить
Еще во время . . . А вѣдь стыдно
Ее на грѣхъ вамъ попустить. . . .

Эрастъ.

Молчи, старикъ!

Слуга.

Вотъ то-то! видно,
Молчи — и только, какъ вчера. . . .
Ахъ, баринъ! баринъ! ужъ пора
За умъ и разумъ вамъ приняться:
Кто знаетъ, очень можетъ статься —

Эрастъ.

Послушай! . . . Лучше не забудь,
Когда о мнѣ хоть что нибудь
Узнать захочетъ онъ . . . иль Лида:
Ты говори, что веселъ я,
Что все смѣюсь, что грусти вида,
Прочтя письмо, не сдѣлалъ я;
Что я сказалъ: ну, слава Богу,
Мою онъ душу развязалъ!
Что при тебѣ же я въ дорогу,
Богъ вѣсть, куда-то поскакалъ.
Прибавь еще, что обѣщался
Я возвратиться черезъ годъ,
И что у Иверскихъ воротъ
Я Богородицей поклялся
Вездѣ, вездѣ найти его. . . .
Но помни также, ничего
Не говори о томъ и слова,
Что видѣлъ ты, что слышалъ ты,
Какъ страшно, быстро съ высоты
Упалъ я счастія земнаго. —

Слуга.

Эхъ, право, судырь, хоть тайкомъ
Вамъ побывать въ деревнѣ должно,
Узнать вѣрнѣй все, а потомъ —
Коль надо будетъ — вамъ вѣдь можно
Уѣхать также. . . .

Эрастъ.

Нѣтъ, не льзя

Тебѣ сказать, что веселъ я:
Я къ ней писалъ . . . . И самъ не знаю,
Что я писалъ, что говорилъ;
Я знаю только, что лишилъ
Меня злодѣй земли и раю:
Земнаго счастія не знать
Мнѣ до могильнаго порогу;
А въ раѣ можетъ-ли тотъ стать,
Кто въ адъ другому дастъ дорогу? . . .
Зачѣмъ такъ Лиду я любилъ
И довѣрялъ ей такъ безпечно,
И въ этой жизни скоротечной
Блаженство вѣчное сгубилъ! . . .
Быть можетъ, очень, очень строго
Сужу я слабую жену;
Быть можетъ, я ея вину
И накажу ужъ слишкомъ строго. . . .
Прочь мысли низкія! — Чего,
Еще какаго поношенья
Мнѣ ждашь? — врага-ли моего
Не искупимаго презрѣнья? . . .

Ступай, Терентій! добрый путь!
Спѣши ты къ Лидѣ Тимофевнѣ.
Прощай! . . . еще когда нибудь
Увидишь ты меня въ деревнѣ ....«

Слуга молчалъ; онъ очень зналъ,
Когда Эрастъ на что рѣшался,
То дѣлъ своихъ не измѣнялъ,
Хотя въ душѣ и сознавался
Порой, что дурно поступалъ.

Слуга молчалъ, но крупны слёзы
Изъ покраснѣвшихъ глазъ текли,
Ни приказанья, ни угрозы
Остановить ихъ не могли.
Его лице угрюмо было;
Не выражая ничего,
Оно лишь внятно говорило
Про доброту души его:
Такъ въ утро ясное блистаетъ
На небѣ рдяная заря,
И намъ восходъ предвозвѣщаетъ
Дня лучезарнаго царя.

VII.

Оставя градъ первопрестольной,
Оставя родину и все,
И все, что къ этой жизни дольной
Могло привязывать еще;
Эрастъ на Югъ благословенный
Черезъ Германію спѣшилъ;
По свѣту странствуя, онъ мнилъ
Найти покой и миръ душевный;
Но грусть и скука вслѣдъ за нимъ
Неслись во всѣ предѣлы свѣта.
Завѣтной думою томимъ,
Онъ повторялъ слова поэта:

«Несчастливъ тотъ, кто въ цвѣтѣ лѣтъ(*)
«Шелъ безъ желаній и безъ цѣли;
«Несчастливъ тотъ, кому и свѣтъ
«И жизнь и люди надоѣли;

(*) Подражаніе XII сонету Мицкевича.

«Несчастливъ тотъ, кто въ страсти зналъ
«Одни лишь муки и страданья,
«Кому ни разу не сіялъ
«Отрадный факелъ упованья;
«Но всѣхъ несчастнѣе, кто жилъ
«Хоть мигъ одинъ, какъ въ небѣ съ милой;
«Кто ужъ не любитъ, но любилъ,
«Кому забыть о томъ нѣтъ силы.
«Встрѣчаетъ взоръ его не разъ
«Взоръ полный страсти и желанья,
«Но смутный гласъ воспоминанья
«Въ немъ заглушаетъ нѣги гласъ;
«Когда-жъ въ немъ чувство пробуждаетъ
«Прелестной дѣвы кроткій видъ, —
«Предъ ней колѣно преклонить
«Съ душой отцвѣтшей не дерзаетъ.
«Онъ не живетъ; — лишенъ всего —
«Надежды, радости, желанья;
«Одно на пагубу его
«Осталось въ немъ воспоминанье.
«Его душа мрачна какъ ночь,
«Какъ видъ могилъ въ глуши далёкой,
«Отъ коихъ путникъ одинокой,
«Смутясь, бѣжитъ далеко прочь.»

Гонимый гнѣвною судьбою
Эрастъ ни разу передъ ней
Не преклонялъ главы своей,
Не обращался къ ней съ мольбою;
Онъ смерти-бъ самой не бѣжалъ:
Эрастъ и жизнь и свѣтъ позналъ,

Едва проживши четверть вѣка.
Куда лишь онъ ни приходилъ,
Вездѣ того-же человѣка,
И тѣ-же страсти находилъ;
Онъ видѣлъ Нѣмца, Венгра, Грека,
Онъ видѣлъ множество другихъ
Людей различныхъ поколѣній,
Различныхъ свойствъ, понятій, мнѣній:
Но онъ встрѣчалъ повсюду въ нихъ
Пороки, слабости и страсти
Одни и тѣ-же, и людей
Вездѣ, вездѣ равно во власти
Чужихъ и собственныхъ страстей.

Несчастья стоны, вопль печали
Вездѣ Эраста поражали,
И все ему, окрестъ его,
Подъ ризой черною являлось,
И ужъ несчастному казалось,
Что кромѣ бѣдствій ничего
На долю смертныхъ не досталось.

Кто невозвратно погубилъ
Надеждъ, мечты очарованье,
И въ сердцѣ нѣжномъ заключилъ
Одну лишь грусть, одно страданье;
Кто счастье зналъ, и кто его
Не обрѣтетъ уже въ подлунной;
Какъ сердце бѣдное того
Подобно арфѣ тихострунной:
На волю вѣтра предана,
Уныло ропщетъ и вздыхаетъ

И тихость ночи нарушаетъ
Лишь звукомъ горестнымъ она.

Такъ и Эрастъ. Себѣ подобно,
Когда несчастныхъ онъ встрѣчалъ,
Не могъ ихъ видѣть хладнокровно,
На стонъ ихъ стономъ отвѣчалъ;
Въ немъ съ новой силой пробуждалась
На мигъ уснувшая печаль,
И съ новымъ ужасомъ являлась
Ему грядущей жизни даль;
Онъ вопрошалъ: «О, что-жь такое,
«Ты наше счастіе земное? —
«Надежда новыхъ, лучшихъ благъ,
«На мигъ желаннымъ обладанье,
«Да для иныхъ воспоминанье
«О прошлыхъ, сердцу милыхъ дняхъ.
«Но отними въ надежду вѣру,
«Въ воспоминанье-жъ прежнихъ дней,
«Грозой промчавшихся, налей
«Отравы горькой черезъ мѣру,
«И что для счастья твоего
«Имѣть ты будешь? — Ничего!...»

«Намъ жизнь въ младенчествѣ пріятна,
«Какъ чаша свѣтлаго вина:
«Она восторгами полна,
«И въ счастье вѣрой благодатной.
«Сначала пьемъ мы изъ нее —
«Спѣшимъ и отдыха не знаемъ,
«И обуянные, чуть все
«За разъ одинъ не выпиваемъ.

«Но иногда подходитъ къ намъ
«Еще завремя разумъ строгой,
«И говоритъ: хотя немного
«Оставте будущимъ годамъ.
«Тогда съ разчетомъ начинаемъ
«И даже скупо пить порой;
«На чашу съ грустью и тоской
«И съ сожалѣніемъ взираемъ;
«Порой слезу въ нее роняемъ;
«Но время мчится, въ чашѣ все!
«И опорожнивъ ужъ ее,
«Мы не охотно оставляемъ!...»

»Блаженъ, блаженъ еще, кто могъ
«Смотрѣть впередъ не льстивымъ окомъ;
«Кто какъ кибудь, хоть не нарокомъ,
«Души спокойствіе сберегъ,
«И жизни путь шароховатый
«Прошелъ украдкой межъ людей,
«Безъ упоенія страстей,
«За то и горемъ не богатый....»

Такъ мечталъ Эрастъ, — и время
Торопился убивать;
Но кому жизнь ета въ бремя,
Для того дни не летятъ,
Но проходятъ по недѣлѣ,
И страдальцу каждый часъ
Дологъ. Впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ,
Изъ отчизны удалясь,

Нашъ Эрастъ въ странѣ далёкой
Долго странствовалъ; его
Въ жизни скучной, одинокой
Не прельщало ничего.
Каждый день онъ мѣсто жизни,
Образъ жизни измѣнялъ,
Но нигдѣ своей отчизны,
Никогда не забывалъ.
Наконецъ Эрастъ усталый,
Одинокой, одичалый,
Въ свѣтѣ странствовать усталъ:
Онъ пріютъ тамъ основалъ,
Гдѣ роскошно вьется Брента,
Какъ лазуревая лента,
Въ изумрудныхъ берегахъ,
И подъ звуки баркалолы
Нѣжитъ легкія гондолы
Въ страстно плещущихъ струяхъ;
Гдѣ изъ моря величаво
Городъ пышный возстаетъ,
Славный прежней громкой славой,
Обладаньемъ дальнихъ водъ.

О Венеція! бывало
Горделива и вольна
И богата и сильна
Ты морями насылала
Месть и ужасъ на враговъ;
Ты далекаго не знала,
И со всѣхъ земли концевъ
Дань искуству собирала;
Для тебя не велики

Были воды Океана:
Быстрымъ маніемъ руки
Отъ Кафы до Индостана
Ты во всѣ мѣста земли
Разсылала корабли.
Но пробилъ твой часъ урочной,
Дни ужъ были сочтены:
Въ лѣни, въ нѣгѣ ты порочной
Ослабѣла для войны, —
И давно твоя затмилась
Столь блестящая звѣзда,
И незримо закатилась
Невозвратно!...

Иногда,
До зари еще румяной,
(Какъ порфирою туманной
Вся одѣяна земля —
Горы, рощи и поля;
Какъ за облакомъ прозрачнымъ
Блѣдноликая луна
Безъ сіянья чуть видна),
Въ мѣстѣ скрытномъ, въ мѣстѣ мрачномъ
Мой Эрастъ любилъ сидѣть
И въ безмолвіи смотрѣть
То на небо, то на воды.
По велѣнію природы
Спитъ земля и море спитъ,
Лишь порою пролетитъ

Вѣтръ случайно запоздалый
И какъ не хотя, усталый,
Мимоходомъ заструитъ
Море гладкое. Порою
Волны слѣдомъ за волною,
Какъ рабы къ утесу шли (*),
Передъ нимъ главы склоняли,
Край одеждъ его лобзали —
И съ весельемъ вспять текли;
И какъ Царь, утесъ высокой
Подъ навѣсомъ неба былъ,
Плащь узорчатый, широкой
Съ плечь до моря снисходилъ;
Для него за мѣсто трона
Былъ весь берегъ, а корона
Изъ гранитовъ вѣковыхъ
На главѣ его вѣнчанной
Красовалась въ мглѣ туманной,
И ужасно горделивъ
Былъ владыка колосальный.

Видъ безбрежныхъ, синихъ водъ,
Безпредѣльность мірозданья,
Тмы свѣтилъ, ихъ вѣчный ходъ,
Негасимое блистанье, —
Вдохновительнымъ, святымъ,
Чувствомъ свѣтлымъ и живымъ
Все Эраста наполняло;
Въ тѣ минуты онъ бывало

(*) Сіе сравненіе, равно какъ и выше сего на страницѣ 16-ой, заимствовано изъ Восточной повѣсти Гна Ходзки: *Дерваръ*.

Въ упоительныхъ мечтахъ
Въ безпредѣльность увлекался,
Выше, выше — и терялся
Въ необъятныхъ небесахъ.
Чуждъ всего, всего земнаго,
Онъ вкушалъ святой восторгъ;
О! когдабъ на землю снова
Возвратиться онъ не могъ:
Тамъ его страданья ждали
Съ неусыпною тоской,
Сердце рвали, сердце жали
Какъ желѣзною рукой.
Мыслью горькой онъ терзался:
Какъ ни длиненъ бѣлый свѣтъ,
Для него же въ свѣтѣ нѣтъ,
Съ кѣмъ-бы чувствомъ обмѣнялся,
Въ чью-бы душу онъ излилъ
Душу полную тоскою,
Кто-бъ сочувствія слезою
Сердце друга облегчилъ.

Но, читатель, совершенно
Съ міромъ связь не льзя прервать:
Хоть живи уединенно,
Все людей ты будешь знать.
Рѣдкой случай, чтобъ живущій
Прожилъ вѣкъ свой нелюдимъ, —
И корабль въ моряхъ плывущій
Вѣрно встрѣтится съ другимъ;
И Эрастъ, хоть очень мало,
Но знакомыхъ все имѣлъ;
Хоть и рѣдко, но бывало

Съ ними вмѣстѣ онъ сидѣлъ,
И въ бесѣдѣ просвѣщенной
Часъ вечерній проводилъ,
Лишь бесѣды откровенной
Онъ ни съ кѣмъ не заводилъ.
Разъ всѣ гости положили,
(Всѣ въ веселомъ духѣ были),
Чтобы каждый разсказалъ,
Что онъ слышалъ, что видалъ,
Или самъ что испыталъ
Очень рѣдкаго въ сей жизни,
На чужбинѣ иль въ отчизнѣ.

Первый гость.

Имѣлъ я друга. Этотъ другъ
Давно на небѣ; мнѣ такаго
Ужъ вѣрно не имѣть другаго:
Когда тягчилъ меня недугъ —
Онъ отъ меня на полминуты
Не отходилъ, со мной страдалъ.
Когда бывало рокъ мнѣ лютый
За горемъ горе посылалъ,
Какъ онъ страдальца утѣшалъ!
Какъ грусть дѣлилъ мою! съ какою
Невинно-дѣтской чистотой,
Отрадной, нѣжною слезою
Мнѣ услаждалъ онъ жребій мой!..
Однажды знойными степями
Природой брошенной земли,
Мы вмѣстѣ съ караваномъ шли;
Вдругъ просыпаемся: надъ нами

Высоко солнце, — день и зной!
Изчезъ нашъ таборъ кочевой,
Огонь едва — едва дымился
И въ сѣромъ пеплѣ притаился,
Лишь новый, свѣжій на пескѣ
Тянулся слѣдъ, и въ далекѣ
Терялся при дневномъ блистаньи.
«Насъ позабыли, вскрикнулъ я,
«И съ злымъ намѣреньемъ; не льзя,
«Не льзя спастись!» и въ ожиданьи
Жестокой смерти, я рыдалъ
И руки въ ужасѣ ломалъ.
Но другъ надеждой благодатной
Мой духъ унылой подкрѣпилъ,
И съ нимъ по степи необъятной
За караваномъ я спѣшилъ,
Благословляя слѣдъ широкой.
Мы скоро шли, мы долго шли,
Но цѣль была еще далеко —
Примѣты не было земли.
И путь и зной во мнѣ всѣ силы
Ужъ изтощили: я упалъ
И стономъ смертнымъ застоналъ
Среди обширной той могилы.
Какимъ губительнымъ огнемъ
Палило грудь! ужь я напрасно
Подняться силился....ужасно
Боренье смерти съ бытіемъ!...
Что-жъ другъ? — свой жребій забывая,
Томимый жаждою и самъ,
Послѣдній кубокъ наливая,
Его поднесъ къ моимъ устамъ!...

Пощажены, спасенны оба
Своею дивною судьбой,
Мы положили межъ собой
Не разлучаться ужъ до гроба.
Въ свою отчизну возвратясь,
Въ одно влюбилися мы время,
И чтожъ? — въ обоихъ страсть зажглась
Къ одной!... Казалось, распри сѣмя
Любовь межъ нами зародитъ;
Но мы безъ ссоры объяснились —
И вмѣстѣ начали любить,
И никогда не расходились.

Второй гость.

Я зналъ, и зналъ ужъ точно диво:
Фирсъ, старичекъ неприхотливой
Свой вѣкъ покойно доживалъ;
Но было время, что бѣдою
Его создатель посѣщалъ;
Тогда качая головою,
Онъ равнодушно повторялъ:
Мнѣ все равно!

Любилъ вечерней онъ порою
Дремать надъ чашей пуншевою;
« Да полно, полно-жъ, другъ мой, пить! »
Жена бывало приступаетъ,
« Что будутъ люди говорить? »
А Фирсъ съ улыбкой отвѣчаетъ:
Мнѣ все равно!

Сосѣдъ-ли добрый стороною
Бывало рѣчь заводитъ съ нимъ:
«Смотри, братъ, въ оба за женою,
«Да за Фальери молодымъ;
«Ты знаешъ, бѣсъ любви опасенъ,
«Плодъ запрещенный очень милъ...»
А Фирсъ въ отвѣтъ ему твердилъ:
Эхъ, полно, другъ, твой трудъ напрасенъ:
Мнѣ все равно!

И даже въ самый часъ кончины,
Какъ отказался врачи,
Жена-жъ, въ обычный знакъ кручины,
Лила притворныхъ слезъ ручьи —
И даже тутъ старикъ безпечный,
Шагая въ гробъ, все веселъ былъ;
Женѣ онъ тихо говорилъ:
Не плачь, не плачь, мой другъ сердечный! —
Мнѣ все равно!

Третій гость.

Средиземными водами
Разъ я плылъ на кораблѣ;
Небо въ тучахъ; передъ нами
И за нами все во мглѣ.
Вдругъ по вѣтру, замѣчаемъ,
Прямо намъ на перерѣзъ
Мчится шкуна (*). Наблюдаемъ,

(*) Легкое морское судно.

Смотримъ зорко: точно, бѣсъ
Намъ Алжирцовъ посылаетъ!
Вѣтръ имъ служитъ. Въ суетѣ,
Мы толпимся въ темнотѣ;
Но начальникъ начинаетъ
Все устроивать, и вотъ
Лишь сготовились, спустилась
Шкуна быстро, и вцѣпилась
Къ намъ съ налету въ правый бортъ.
Начинается сраженье,
Моря грозное волненье,
Стукъ оружій, крики, стонъ,
Громъ и трескъ со всѣхъ сторонъ.
Намъ Всевышній поборяетъ,
И сраженье начинаетъ
Утихать, и вотъ оно
Ужъ совсѣмъ прекращено;
Всѣ въ плѣну, враги разбиты,
Но одинъ—отъ всѣхъ забытый—
Вдругъ начальника схватилъ —
И съ нимъ въ море соскочилъ.
Ужасъ обнялъ насъ! — напрасно
Помощь думаемъ подать...
Ихъ съ минуту не видать;
Вдругъ—и вспомнить мнѣ ужасно! —
Всплыли. . . . борются. . . . злодѣй
Былъ проворнѣй и сильнѣй,
И въ минуту роковую,
Къ нимъ когда я доплывалъ,
Срѣзалъ голову сѣдую,
Вопль побѣды прокричалъ —
И сокрылся въ глубь морскую.

Четвертый гость.

За мною очередь, но признаюся
Вамъ, господа! — еще до сей поры
Текла спокойно, мирно жизнь моя
Подъ сѣнію отечества; не много
Я въ жизни испыталъ; смотрѣлъ на свѣтъ
И на людей изъ оконъ кабинета,
И какъ ни думаю, не пріищу
Я рѣдкаго предмета для разсказа.
За то вамъ случай разскажу, недавно —
Назадъ тому лишь мѣсяцъ только бывшій:
Онъ возмутилъ, потрясъ во мнѣ всю душу.
Вы помните и сами, какъ тогда
Всю ночь ужасно буря бушевала,
А поутру ужъ было тихо, ясно
И обѣщало превосходный день.
Вставъ на зарѣ, береговымъ путемъ
Изъ города поѣхалъ я на мызу;
Я веселъ былъ и очень любовался
Картиною, которую природа
Мнѣ представляла; тщетно человѣкъ
Ей подражать старается: природа
Его трудамъ, усиліямъ смѣется,
Какъ мы смѣемся, глядя на дѣтей,
Когда они героевъ копируютъ.
Я восхищался зрѣлищемъ природы;
Но только что утесъ тотъ обогнулъ,
Который въ море гордо такъ вдается, —
И зрѣлище увидѣлъ я другое:
Весь каменистый берегъ былъ покрытъ
Обломками, снастями корабля,

И трупы здѣсь и тамъ являлись взорамъ,—
Печальный слѣдъ ночной, жестокой бури...
Съ стѣсненнымъ сердцемъ я поѣхалъ дальше;
Вдругъ всторонѣ послышался мнѣ стонъ,—
Остановился, вслушиваюсь — стонъ
И во второй и въ третій повторился.
Тогда погналъ я своего коня,
Куда влекло меня и призывало
Страданье ближняго. Одинъ лишь мигъ,
И близь него ужъ я стоялъ. Несчастный
Между обломками досокъ и мачтъ
Лежалъ безъ чувствъ, избитый, обхватя
Кусокъ доски, какъ друга или брата.
Я помощь подавалъ, какую могъ,
Несчастному мнѣ ввѣренному Богомъ;
И эта помощь тщетной не была:
Въ немъ скоро кровь въ движеніе пришла,
И онъ вздохнулъ протяжно, полной грудью,
И мутный взоръ полуоткрылъ; но видно,
Замѣтно было, что борьба съ волнами
Почти совсѣмъ его лишила силъ,
И что они не скоро возвратятся.
Давъ слово самъ себѣ о немъ пещися,
Какъ о родномъ и самомъ близкомъ мнѣ,
Я перевезъ его въ свой домъ, позвалъ
Врача отличнаго и предоставилъ
Его искуству и природнымъ силамъ
Окончить мною начатое. Скоро
Больной заговорилъ; его слова
Несвязныя, чуть слышныя, сказали,
Что Русской онъ; когда-же получилъ
Онъ полное употребленье чувствъ,

Ума и памяти; когда узналъ,
Что съ нимъ, гдѣ онъ: тогда по Итальянски
Со мною началъ говорить и съ чувствомъ
Благодарилъ меня какъ добрый другъ
За нѣжную заботливость о немъ.
Но вообще онъ говорилъ не много,
Былъ скученъ, иногда отъ всѣхъ украдкой
Лилъ слезы, иногда его лице
Румянилось внезапно. Мы напрасно
Разугадать старалися причину
Явленій тѣхъ, а самъ онъ все молчалъ,
Молчалъ — и таялъ тихо, какъ свѣча,
И хуже былъ съ дня на день; наконецъ
Я потерялъ послѣднюю надежду,
Что встанетъ онъ когда нибудь съ постели.

Однажды, бывъ со мной наединѣ,
Сперва обычно онъ молчалъ, потомъ
Сжалъ руку мнѣ, какъ бы на что рѣшился —
И началъ такъ, или почти что такъ:

«Не утѣшай меня пустой надеждой;
«Я знаю самъ — осталося мнѣ жить
«Не долго ужъ. Но чѣмъ-же заплачу
«Я за твои заботы, попеченье?
«Одно лишь я сберегъ отъ бурь житейскихъ,
«Отъ бурь природы — память дней былыхъ.
«Я разскажу тебѣ всю жизнь мою,
«И сей разсказъ урокомъ будетъ, если
«Не для тебя, такъ для дѣтей твоихъ.
«Что-жъ смотришь такъ? — Да, жизнь моя
послужитъ

«Для нихъ урокомъ, и урокомъ важнымъ . . .
«Мой смертный часъ ужъ близокъ; не боюсь,
«Какъ и всегда я не боялся, смерти,
«Но тяжко, тяжко разставаться съ жизнью,
«Въ ней добраго не сдѣлавъ ничего,
«А злаго. . . . О, какъ давятъ сердце мнѣ
«Воспоминанія прошедшей жизни!
«Минувшее — такъ долгое — слилось
«Теперь въ одну ужасную минуту
«И налегло на душу . . . . можетъ быть,
«Разсказъ мой слушая, прольешь ты слезы
«И ими совѣсть укротишь мою.
«А я, ты видишь, плачу, горько плачу,
«И жизнь мою кляну и сожалѣю
«О томъ, чего ужъ возвратить не льзя. . . .
«Теперь, когда ужъ я одной ногою
«Стою въ могилѣ, умъ мой озаренъ
«Какъ-бы изъ гроба изходящимъ свѣтомъ;
«Я самъ себя, клянусь, не узнаю:
«Моя душа доступна и открыта
«Для добраго, и видишь ты во мнѣ
«Клянущаго грѣхи свои злодѣя.
«Но нѣсколько лишь дней сему назадъ —
«До бури, дивно умъ мой озарившей —
«Я былъ готовъ на новыя, еще,
«Еще ужаснѣйшія злодѣянья,
«И радостно-бы бросился на нихъ.
«Въ то время — страшно! — я не зналъ ни Бога,
«Ни совѣсти, не вѣрилъ правдѣ я
«Ни на землѣ, ни въ небѣ; мнѣ казалось,
«Что все живетъ и существуетъ въ мірѣ
«Лишь для меня, чтобъ нѣжить чувства мнѣ

«И пресыщать желанья ненасытны. . . .
«Родительскою властью тяготясь,
«Въ ней находя страстямъ своимъ препону,
«Я въ изступленьи небеса молилъ,
«Чтобъ моего отца они призвали
«Отъ этой жизни къ жизни вѣковой! . . .
«Женясь по страсти, скоро я жену
«Возненавидѣлъ; хладный и жестокій,
«Я былъ виной ея кончины ранней! . . .
«Ахъ сколько юношей я совратилъ
«Съ пути добра и чести! сколько женъ
«И дѣвъ я ввергъ въ погибель . . . Боже правый!
«Все удавалось мнѣ, по моему
«Все дѣлалось, — но былъ-ли счастливъ я!
«Мнѣ наконецъ все надоѣло. Тщетно
«Искалъ я счастья въ бурныхъ наслажденьяхъ,
«Напрасно звалъ спокойное веселье —
«Оно отъ душъ порочныхъ далеко;
«Тогда узналъ я скуку и мученье
«Душевной пустоты, и словомъ — жизнь
«Мнѣ сдѣлалась несносной, нестерпимой. . . .
«Въ такомъ-то я расположеньи духа
«Живя въ Москвѣ, увидѣлъ въ первый разъ
«Москвы красу, цвѣтокъ прелестный — Лиду,
«Увидѣлъ — и опять воспламенились
«Во мнѣ всѣ страсти съ новой, большей силой.
«Она была прекрасна, молода
«И добродѣтельна; подобныхъ ей
«Не видѣлъ я ни прежде и ни послѣ.
«Но на мои искательства она
«Вниманія совсѣмъ не обращала;
«Хоть правда и была она ко мнѣ

Эрастъ внималъ—и изъ его очей
Слеза невольно пробивалась,
И въ сердце желчь и горечь тѣхъ рѣчей
Струей цѣлительной вливалась.

На небеса возвелъ онъ снова взоръ —
И небеса предъ нимъ свѣтилъли.
Какъ въ ясный день туманъ съ короны горъ,
Съ души всѣ скорби улетѣли.

Печали гласъ восторгомъ заглушенъ:
Такъ блескъ маяка изчезаетъ,
Когда блестящій изъ-за синихъ волнъ
Царь свѣта выплываетъ.

День не прошелъ, а ужъ въ пути Эрастъ.
Отрадной думою живимой,
Въ восторгѣ онъ....но что-то Богъ подастъ
Найти ему въ странѣ родимой.

VIII.

Былъ вечеръ; солнце ужъ стояло
На горизонтѣ и блистало
Послѣднимъ, трепетнымъ лучемъ.
Въ долу надъ тихими прудами
Стояли хижины рядами
И церковь съ золотымъ крестомъ,
И въ сторонѣ господскій домъ
(И съ мезениномъ и съ столбами).
Отъ дому нѣсколько лѣвѣй
Вертѣлась мѣльница, за ней
Вилась дорога межъ кустами
И уходила въ лѣсъ густой.
Жнецы, окончивши работы,
А съ ними вмѣстѣ и заботы,
Спѣшили весело домой
И пѣньемъ вечеръ провожали.
За ними слѣдомъ по рѣкѣ
Шли двѣ старухи вдалекѣ,
И межъ собою разсуждали.

Первая старуха.

А что, кума, когда землѣ
Предастся барынино тѣло? —
Сама на ранѣ я въ селѣ
О томъ провѣдать не успѣла.

Вторая старуха.

Слыхать, что завтра, да наврядъ —
Еще трехъ дней не миновалось....
Ужъ какъ худа-то, говорятъ,
Душа Богъ знаетъ въ чемъ держалась;
Ее, слышь, горе извело,
Все тосковала, тосковала,
У ней безъ слезъ дня не прошло,
И сна-то бѣдная не знала!...
Вотъ-те Христосъ, ее мнѣ жаль! —
Пройди весь бѣлый свѣтъ,—едва-ль
Едва-ли барыню другую
Найдешь ты гдѣ нибудь такую.
На что Мирониха: по ней
Кажись и добрыхъ нѣтъ людей,—
А какъ о барынѣ со мною
Рѣчь завела она вчера,
Такъ хоть-бы слушать до утра:
Вотъ такъ и сыпетъ похвалою!

Первая старуха.

Незнаю, вѣрить-ли, кума,
Или не вѣрить мнѣ: намедни,

Какъ возвращались отъ обѣдни,
Гдѣ барыня была сама,
Мнѣ сватья Мавра говорила,
А ей разсказывалъ Гаврила
Садовникъ, что вишъ баринъ нашъ
Какъ былъ въ Москвѣ, то басурманку,
Не знаю Нѣмку, аль Тальянку,
Такъ полюбилъ, что съ нею маршъ
Въ иныя земли; а чего-бы
Еще, кажись, ему желать:
Такой красотки поискать!
Кабы не баринъ, такъ еще-бы—
Всегда какъ солнышко свѣтла—
Мать наша барыня жила,
Да намъ бы бѣднымъ помогала....
Ужъ какъ я слышала, она
По мужѣ тяжко горевала!
Другая будетъ-ли жена
И такъ любить, и такъ вѣрна!...
Ну дастъ-же баринъ передъ Богомъ
Отвѣтъ хорошій за нее;
Попъ молвитъ, что Господь Богъ строго
Разсудитъ здѣшнее житье,
По ниткѣ все...

Вторая старуха.

Христосъ съ тобою,
Что ты на барина, кума,
Взвела!. сама ты съ головою,
А говоришь не отъ ума:

Ну можно-ль, чтобъ Эрастъ Иванычь
Еще отъ барыни любилъ!—
Нѣтъ, мнѣ такъ кучеръ Эмельянычь
Совѣтъ не этакъ говорилъ.

Первая старуха.

А какъ-же?

Вторая старуха.

Изъ села Ознобы
Помѣщикъ, знаешь, барской другъ
Околдовалъ обоихъ вдругъ
Господъ-то нашихъ, вишь со злобы.
Сперва листъ къ барину послалъ,
А тотъ его лишь въ руки взялъ,
Да пѣтухомъ и закричалъ,
Потомъ пошелъ внизъ головою,
А тамъ и на стѣну полезъ.

Первая старуха.

Вся сила крестная со мною!
Подумаешь, какихъ чудесъ
На свѣтѣ нѣтъ!

Вторая старуха.

И съ госпожёю
Злодѣй не легче поступилъ, —
Ей, слышишь зельемъ услужилъ:
Покойница пить захотѣла,

Гуляя какъ-то съ нимъ въ саду,
Да принести воды велѣла;
А онъ—чтобъ быть ему въ аду! —
Самъ побѣжалъ, приноситъ воду,
Ну словно сахаръ, лишь мутна;
Испила барыня — и къ году
Безъ трехъ дней умерла она...

Первая старуха.

Ахъ, окаянный! — такъ не просто
Онъ часто къ барынѣ ѣзжалъ.

Вторая старуха.

Еще же, кумушка, мнѣ вотъ-что
То-жъ Емельянычь разсказалъ
Колдунъ и самъ вить. . . .

Первая старуха.

Посмотри-ка,
Что тамъ, кума, вонъ назади
Вдоль по дорогѣ? — Пыль велика,
Знать порожнякъ бѣжитъ.

Вторая старуха.

Гляди,
Да прытко какъ!

Первая старуха (*вглядывается*).

Вотъ то-то прытко, —
Э—эхъ, кума! и у меня
Глаза ужъ плохи; вотъ что старость! —
И правду молвятъ, что не радость; —
Не порожнякъ, а шестерня
Несетъ коляску, словно сзади
За нею гонится Кощей...
Сойди съ дороги поскорѣй;
Аль ты оглохла? — Бога ради
Сойди, не то вѣдь не за грошъ
Раздавятъ.

Вторая старуха.

Пусть раздавятъ, что-жъ? —
Вѣдь жить не вѣчно...

(*коляска проѣзжаетъ*).

Кучеръ.

Дай дорогу!
На лѣво, ей!

(*молчаніе*).

Вторая старуха.

Кума, ей Богу,
Вѣдь это баринъ нашъ!

Первая старуха.

И то
Кажися онъ. Какъ поспѣшаетъ!
Какъ свѣтелъ, радостенъ! — А что
Съ нимъ станется, когда узнаетъ,
Что нѣтъ ужъ барыни его,
Нѣтъ красна солнца!...

Вторая старуха.

Ничего! —
Я и сама лишилась мужа,
Погоревала день, другой—
Да и утѣшилася. . . . Ну-же,
Пойдемъ скорѣй, пора домой.

Первая старуха.

Охъ, нѣтъ, кума! когда-бъ любила
Ты крѣпче мужа своего,
Ей-ей тогда-бы за него
Свою ты душу положила;
Ты не сказала-бъ такъ легко
Прости навѣчно другу милу,
И для него-бы глубоко
Ты въ сердцѣ вырыла могилу.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Читатель мой! я повѣсть прекращаю;
Судьбу-жъ Эраста отъ минуты той,
Какъ онъ домой пріѣхалъ, оставляю
На произволъ безпрекословно твой:
Когда тебѣ угодно, — пусть подъ схимой
Въ уединенной, тѣсной кельѣ онъ,
Всегда безмолвный, мрачный, нелюдимый,
Еще за-живо будетъ погребенъ.
Когда-же хочешь, пусть онъ ни мгновенья,
Узнавъ о смерти милой, не живетъ, —
Пускай души жестокое мученье
Однимъ ударомъ жизни нить прерветъ;
Или пускай въ семъ мірѣ находяся,
Но памяти и силъ ума лишася,
По имени лишь только человѣкъ, —
Не будетъ знать и чувствовать не будетъ,
Что онъ имѣлъ, что потерялъ на вѣкъ.
Но ежели читатель мой разсудитъ,
Чтобы Эрастъ супругу пережилъ
И вмѣстѣ съ тѣмъ разсудокъ сохранилъ —
Пусть будетъ такъ! — все, все я оставляю
На полную твою, читатель, власть,
И если хочешь, пусть еще Эрастъ
Разъ женится; лишь одного—я знаю—
Хотѣть напрасно: чтобы въ жизни сей

Онъ измѣнилъ любви первоначальной;
Чтобъ истребилъ въ душѣ своей печальной
О Лидѣ память, чтобы мысль о ней
Всегда, вездѣ его не провожала,
И въ смертный часъ надеждой не питала —
На вѣкъ обняться съ милою своей.
Ахъ, горько, тяжко то терять, что мило,
Чего не льзя всѣмъ міромъ замѣнить;
Еще ужаснѣй въ увѣреньи быть,
Что перейдя дверь вѣчности—могилу,
Съ своимъ любезнымъ будемъ розно жить!

LIBRARY OF CONGRESS
00023305665